

Его звали Скариох. Он был Сдирателем, членом отделения Ценсура и второй плетью отделения. Несколько часов назад его вполне устраивали подчинение плети отделения, защита чести Ордена и битва за Императора. Слова Катафалка были его путеводителем, а подвиги Дорна – примером. Он был Адептус Астартес – ангелом Имперiums.

Сейчас все это стало не важным для него.

Тот-кто-был-Скариохом думал только о крови. Он ощущал лишь чувство несправедливости, ненависть ко всему, чем он был, к порядку и дисциплине, чести и приказам, подчинению. Первый раз в жизни космический десантник ощущал весь потенциал своего сверхчеловеческого тела. Он наслаждался неограниченной мощью, пульсирующей в его венах, его чувства обострились, словно у хищника, а сердце стучало, словно молот.

Космический десантник чувствовал только начало конца. Он стал чем-то другим, чем-то новым и могущественным, чем-то, что живет только для того, чтобы обрывать жизни остальных. Размалывать черепа. Разрывать мягкие тела зубьями меча и насаживать их на клинок, словно на вертел. Он ощущал жажду крови. Слышал каждый хруст ломаемых позвончиков и свернутых шей, вздохи и мольбы умирающих. Его ноги утопали в океанах крови. Единственное, что он хотел больше всего на свете в настоящий момент – воплощать свои кровожадные желания в жизнь. Кровавый кошмар, разворачивающийся вокруг него, лишь подпитывал ярость того-кто-был-Скариохом.

Они сделали это с ним, так называемые братья. Убийство, резня – все это должно продолжаться. Ложные ангелы труп-Императора не смогли понять это. Ублюдки, они окружили его как трусы, а затем схватили и отобрали дымящийся меч. Но перед этим тот-кто-был-Скариохом сломал несколько челюстей и носов. Когда он не поддавался уговорам этих слабаков, ублюдки перерезали кабели его брони и сняли питающую батарею. Они схватили его за кисти и прижали к колонне.

Берсеркер ощутил всю тяжесть своей оставшейся без питания брони. Металл сочленений пронзительно закрипел. Безумный ангел пытался вырваться из цепкой хватки своих пленителей. Он оскалился, показав свои клыки, глаза наполнились кровью. Мускулы Адептуса Астартеса раздулись от напряжения. Вокруг десантника столпились его бывшие братья, и теперь он яростно пытался добраться до них. Тварь думала, что может чувствовать их страх. Их слабость еще больше разжигала ненависть демона. Они смотрели на него свысока, и на их лицах застыла смесь превосходства и грусти. Их жалость лишь подпитывала его гнев. Еще одна слабость. Кровь бурлила в его жилах, как и подобает машине войны. Ему больше не нужны слова. Рот десантника раскрылся и все его существо источало бесконечную ненависть. Лакеи Императора пытались вразумить его, но их слова казались предателю чем-то отдаленным, практически непонятным языком. Тот-кто-был-Скариохом ненавидел их всех.

Йоахим – щенок, возведенный в ранг плети. Мелмох – мутант и колдун. Брат Боаз, который однажды победил его во время тренировочного спарринга и всегда напоминал ему об этом. Униженная старшая плеть Юрия Скейс, который пал ниже некуда, опозорившись на Суде мечом. И Захария Керш, Кнут пятой роты, воин, который подвел магистра Ордена, позволил врагу забрать стяг и потерял свой меч. Его он ненавидел больше всех.

Сдиратели взирали на Скариоха.

- Он одержим, - произнес Мелмох. - Жажда крови поглотила его.

- Ты жаждешь поскорее списать его со счетов, так колдун, - рявкнул Йоахим. - Может и ты поддался жажде.

- Его душа - в руках Губительных Сил, - ответил Мелмох.

- Как и твоя?

Мелмох пропустил издевку мимо ушей.

- Этого ты хочешь для своего брата?

- Скейс? - Йоахим повернулся к старшей плети.

- Мы не можем просто связать его? - предложил брат Боаз.

- Словно загнанное животное? - возразил Мелмох.

- Пока не пройдет жажда...

- Она не пройдет, - произнес эпистолярый. - Он - во власти Кровавого Бога. Первый падший из нашего Ордена.

- Он не первый, - с сожалением произнес Кнут. - Ишмаил также потерян для нас.

- Мы не знаем наверняка, - огрызнулся Скейс.

- Ты знаешь, что нужно делать, - произнес Керш.

- Скейс...- умоляюще произнес Йоахим.

Тот-кто-был-Скариохом взирал на Скейса кроваво-красными глазами. Речь его братьев раздражала его, он считал их слова бессмысленными.

Юрия Скейс поднял свой болт-пистолет. Проклятый Сдиратель уставился на дуло оружия.

- Прости, брат.

Демон оскалился.

Скейс выстрелил.

Керш вышел на площадь. Повсюду толпились люди. Все небольшие плазы, усыпальницы и молельни были заполнены жителями мира-кладбища. Толпа расступилась перед ним, хотя места едва хватало для всех. Повсюду лежали коврики, натянуты подобия настилов и организованы небольшие кабинки для молитв. Словно пилигримы, цертусийцы собрались в тени мемориального мавзолея Умберто Второго, тысячи людей. Несмотря на их количество, раздача воды и еды проходила в нормальном режиме, вокруг царила атмосфера благоговейного страха. Многие жители молились, другие уважительно склоняли головы перед труп-капитаном.

Пока Сдиратели и Похоронная Гвардия удерживали периметр города, скауты плети Кетураха бесшумно передвигались между башнями и барельефами города Обсеки, оставляя после себя горы трупов врагов. Обычным цертусийцам приходилось спать на голых камнях. Керш пробирался сквозь толпу, состоявшую из женщин, детей, стариков, больных и оставшихся священников Олифанта, а также – тех мужчин, которые не смогли выдержать ужасы передовой и покинули свои посты во время первых сражений. Сдиратель видел, как безумие варпа действовало на простых людей. Некоторые бросались на землю, рыдая словно младенцы, другие стонали, третьи больше никогда не произнесут ни слова. Были и те, кто с благоговением рассказывал об ужасах, которые им пришлось повидать. Многие просто укрывались под настилом и больше не выходили наружу.

- Понтифик? – обратился Керш к священнику, раздающему воду.

Тот направил его к следующей плазе, где картина разительно отличалась. Керш кивнул сестре битвы, облаченной в полный комплект брони и держащей тяжелый огнемёт. Он не мог не представить, какие разрушения может вызвать пламя этого могучего оружия. Плаза была пропитана копотью. Струйки дыма поднимались над воронками от взрывов, в мрачных клетках валялись почерневшие человеческие кости. Среди всего этого кошмара родители пытались успокоить своих детей, а остальные жители старались сосредоточиться на молитвах.

Керш застал понтифика Олифанта в момент, когда тот произносил последние молитвы над обуглившимися остатками тел одержимых. Там же находились несколько рабочих с закопченными лицами, в обязанность которых входило отделение тел друг от друга, и весталки с каменными лицами, переносившие гробы со скелетами, застывшим в неестественных позах. Керш заметил, что сестры Августейшей Стражи расположились рядом с толпами местных жителей, а также на парапетах и в башнях с бойницами. Неподалеку, фигура в кобальтовой броне бесстрастно наблюдала за процедурами упокоения, держа в руках мелтаган.

- Труп-капитан, - приветствовал десантника Олифант, тень улыбки промелькнула на его лице.

- Как вы, понтифик? – поинтересовался Керш.

Переставив свою неходящую ногу, экклезиарх развернулся к Сдирателю.

- Не волнуйтесь обо мне, труп-капитан. Я жив, и то же можно сказать про все эти несчастные души, собравшиеся здесь.

Керш прикусил нижнюю губу.

- Понтифик, - начал Сдиратель, чувствуя дискомфорт от своей следующей фразы. - Я хотел бы извиниться за ваши потери...

- Труп-капитан, прошу вас...

- Нет, - настаивал Керш. - Это была моя стратегия, и она провалилась. Цертусийцы покинули свои посты и убежали обратно в город, а у моих скаутов не было приказа открывать по ним огонь.

- Вы же не знали...

- Я мог бы знать и должен был. От человека требуется определенная крепость духа, чтобы устоять перед архи-врагом, он должен быть хладнокровным воином с крепким рассудком. Есть вещи, которые человек не должен видеть. Ужасы, которые должны оставаться безвестными недоступными для человечества. Сущности, чье присутствие заставляет человека сходить с ума.

- А что насчет тех, чьи способности выходят за грани способностей смертных? Вы устойчивы к таким испытаниям?

- Нет, понтифик, к сожалению, нет, - честно ответил Керш. - Но все происходящее - это то для чего мы были рождены, и мы не дрогнем.

Олифант наблюдал, как две весталки относят к гробу черные, обгоревшие останки. Керш заметил, как одна из девушек заметно приободрилась от его скромной улыбки.

- Я приказал образовать кордон молящихся. Люди, спокойные и в больших количествах, собрались на открытых площадках вокруг мавзолея. Мы воздавали благодарности великому Умберто Второму, чей дух наблюдает за нами в наши самые страшные часы, и Богу-Императору, чьи слуги всегда готовы помочь страждущим.

Олифант взглянул в лицо Сдирателя, давая понять, что он имел в виду Адептус Астартес. - Мы были заняты молитвой, когда слышались крики с снаружи кордона. Простите меня, труп-капитан, но сначала мы подумали, что это враг, прорвавшийся сквозь ряды ваших немногочисленных десантников. Когда жены увидели своих мужей, а дети - отцов, люди обрадовались их прибытию. Пока не началась резня. Я не буду описывать разыгравшуюся

драму, не перед телами умерших, кому мы желаем лишь вечного умиротворения. Многие погибли, и в этом безумии было сложно разобрать, кто – убийца, а кто – жертва. В конце концов Палатина Сапфира приказала сестрам предпринять жесткие, но необходимые меры, чтобы покончить с этим кошмаром. Они очищали толпы от одержимых священным пламенем и...

На лице понтифика отразилось страдание от воспоминаний и прошедших событиях, ему было сложно подобрать слова для следующей фразы.

...все было кончено.

- Понтифик, - произнес Керш, видя боль на лице мужчины: его физический недуг, грусть и сожаление, духовная агония, которую он пережил, находясь посреди этой мясорубки, оросившей кровью священную землю Цертус-Минор. Сдиратель чувствовал, что просто обязан подготовить епископа к неизбежному.

- Скажу вам прямо, как воин. То, что вы видели – лишь начало. Влияние кометы заставило ваших людей обратиться друг против друга и увеличило число наших врагов. Мой епископ подозревает, что ужасы, которые мы наблюдали – отголоски варпа, просочившиеся в реальность. Злобость еще впереди. Когда он придет на планету, все это покажется нам ничтожным, по сравнению с тем, что он принесет с собой. Вторжение будет осуществляться бесчисленным количеством культистов, братьев Кровавого Бога и, самое худшее, десантниками-предателями – Пожирателями Миров. Они – ангелы, ненасытные в своей жажде крови и убийства. Они были и, к сожалению, остаются лучшими бессмертными противниками на поле боя. Они возглавляют Черный Крестовый Поход, не знающий поражений. Они поглотили сотни Имперских миров, и они уничтожат все живое на этой планете.

Улыбка епископа начала сходиться с его изуродованного лица.

- Вы говорите, что поражение – неизбежно. Что вы не сможете защитить нас...

- Я не уверен, что кто-то в принципе способен защитить вас в данной ситуации, - честно ответил Керш.

- Но я слышал, как вы говорили, что ваши ангелы...

- Они – воины, - произнес Керш, кивая головой. – Им нужно было услышать это. Вера поддерживает нас.

- Верить в себя...

- Да, - кивнул Керш. – Но вам я предлагаю правду. Нас – немного, и мы противостояем целому легиону. Мои люди и я будем сражаться за вас до последнего, пока не испустим последний вздох, и последняя капля крови не прольется с наших тел. Но когда мы падём, а мы падём, так

как такова участь этой бойни, ваших людей предадут мечу.

Олифант кивнул в знак понимания. Затем он посмотрел на Сдирателя своими искренними глазами и улыбнулся.

- У вас своя вера, - произнес он, - у меня – своя. Помните, когда мы встретились первый раз, я сказал, что знал, что вы придете?

- Я помню.

- Он являлся мне, труп-капитан.

- Он?

- Бог-Император.

- Понтифик, при всем уважении, вы не первый клерик, утверждающий, что его посещало божественное видение, - мягко произнес Керш.

- Я не знаю, был ли я в сознании или нет, - продолжил Олифант, уставившись вдаль. – Бог-Император являлся мне. Величественный в своей, похожей на скелет, броне, черной, как глубины космоса, но, в тоже время, сияющей, словно ярчайшая звезда или солнце.

Керш не мог поверить в услышанное.

- Вы видели его?

- Много раз, - подтвердил Олифант. – Перед вашим прибытием. И после. Так я узнал, что ваши ангелы летят к нам. Помощь в пути. Что судьба, в вашем лице, защитит нас.

- Вы все еще испытываете видения?

- Время от времени, - улыбнулся Олифант. – Он всегда среди нас. В тени, выжидает момент, чтобы показать нам свою истинную цель.

- Я не знаю, что это, - честно ответил Керш. – Но я не думаю, что это ваш Бог-Император.

- Посмотрим, сэр, - произнес понтифик. – Он покажет себя в нужное время. Бог-Император – на нашей стороне, ангел. Верь в это.

Керш подумал об Императоре – трупe, восседающем на троне-саркофаге.

- Понтифик, - произнес Кнут. – Адептус Астартес живут для победы и во имя великого Дорна. Он стоял рядом с Императором, уже почившем, среди трупов в Императорском Дворце. Вернувшись в укрытие толстых стен, примарх не чувствовал радости от победы. Пройдя смертельную ловушку Железных Воинов, «Вечную крепость» и «Стальную Клеть», Дорн не чувствовал торжества. У Кулаков не было побед в традиционном смысле этого слова, тех, что воспевают смертные в своих легендах, описывающих полубогов, выточенных из камня и бронзы. Деметр Катафалк, в своем труде, «Архитектура Агонии», учит нас, что эти победы - крушение надежд архи-врага и уничтожение зла – лишь одни из видов побед, но не главные. Галактика всегда находится в состоянии войны, и выживание – вот есть истинная победа.

- Что вы такое говорите? – пробормотал Олифант, тронутый словами Сдирателя.

- Вы верите мне, понтифик?

- Да, ангел.

- А ваши люди верят вам? Они сделают то, что вы попросите – не важно, как странно это прозвучит?

- Они – моя паства. Я – их пастырь. Бог-Император указывает мне путь, я иду по нему и веду их за собой.

Керш обернулся и окинул взглядом толпы цертусийцев. Он представил, как тысячи людей скопились у мемориального мавзолея. Десантник сделал глубокий вдох и медленно кивнул.

- Соберите свою паству, понтифик, - наконец произнес Кнут, - и как можно больше лопат. Вашим людям предстоит много работы сегодня ночью...

Сестра Сапфира вышла из крещенских вод широкой купели. Капли священной воды стикали вниз по шрамам ее очищенной плоти. Капли падали в бассейн, а брызги – на холодный пол консистории, пока сестры подавали ей полотенце. Сапфира молча стояла, пока они вытирали ее и осыпали пеплом из чаши. С крыши свисали чаши с ладаном, в зале раздавались молитвы. Когда конечности, торс и грудь Сапфиры были обтянуты лентами из грубой ткани, сестра Клаудия, облачавшая Сапфиру в церемониальные одежды, прочитала выдержки из «Заметок Веры и Пламени святой Северы» и вознесла молитвы своей палатине.

Сапфира ощутила покалывание от жара крещенской бани, сменившееся прохладой консистории. Бинты вызвали у нее раздражение. Пламя свечей затрепетало, заставляя тени исчезнуть. Палатине показалось, что она заметила движение между колоннами и молельнями консистории. По спине сестры пробежали мурашки. Ее кошмар вернулся. Гигант в броне цвета ночи. Вестник смерти. Видение из мира преисподней.

Он преследовал ее. Она могла ощущать его присутствие, словно добыча, преследуемая хищником. Эта тварь пришла из ада, чтобы испытывать ее веру. Она чувствовала его присутствие во время молитвы, караула и в подземелье консистории, где она охраняли мощи Умберто Второго, и во время исполнения своих обязанностей по защите и сохранению реликвий. Она даже просыпалась из-за кошмаров, посещавших ее в личных покоях. Сквозь тьму Сапфира различала сияние неестественной жизни, блеск глаза, взиравшего на нее из прорехи в шлеме. Сапфира надеялась, что собственные глаза подводят ее. Она молилась святой Севере и Умберто Второму, чтобы они указали ей путь, и почти умоляла понтифика Олифанта исповедовать ее. Она не могла дискредитировать себя перед сестринством, особенно в такое тяжелое время. С обнаружением монумента Губительных Сил и прибытием Адептус Астартес у нее не было времени на то, чтобы признать свое состояние плачевным, поэтому сестра Сапфира регулярно принимала крещенские бани и молилась.

Свет вездесущего ока потускнел, когда две сестры в кобальтовой броне вошли в консисторию. Вместе с ними проник порыв ветра поколебавший пламя свечей. Первая несла тяжелый огнемет, в то время как вторая прижимала мелтаган к груди. Представ перед палатиной, сестры положили оружие на пол и сняли шлемы. Сестра Клаудия завершила молитву и отступила в сторону, приветствуя сестер Лемору и Кассиопею.

- Сестры, - приветствовала Клаудия. - На каких основаниях вы потревожили палатину?

- Адептус Астартес виделись с понтификом, - доложила Кассиопея, кивнув сначала Клаудии, а затем обратившись к палатине.

- И? - произнесла Сапфира.

- Местных жителей переведут из центра в некроплекс, - завершила доклад сестра Лемора.

- Некроплекс? - ужаснулась палатина. - За периметр?

- Да, госпожа.

- Безумие.

- Да, госпожа.

- Палатина, - вмешалась сестра Клаудия. - Боюсь, Сдирателям не стоит доверять.

- Они - ангелы Императора, сестра, - напомнила ей Сапфира. - Ты считаешь их подверженными скверне?

- Я думаю, что они - дикари Дорна, - честно ответила Клаудия. - Они сражаются, как псы, даже друг с другом, а этот Кнут, их лидер, ему не доверяют даже собственные братья.

- Что думаете? – спросила Сапфира у других сестер.

- Они – генетические мутанты, выращенные для битвы, - произнесла Лемора. – Скорее всего, они хотят использовать цертусийцев в качестве пушечного мяса.

- Ты?

- Местные – не моя головная боль, - произнесла Кассиопея. – Мы – сестры Августейшей Стражи. Наша первостепенная задача – защита святынь Умберто Второго. Злобость уже здесь. Высадка – неизбежна. Время уйти в подземелье.

Сапфира, молча, обдумывала ситуацию, ее глаза искали призрака во тьме. Она повернулась к сестре Клаудии.

- Начни приготовления к размещению в подземелье, - приказала палатина.

Клаудия удовлетворенно кивнула.

- Возвращайтесь на свои посты, - палатина обратилась к Леморе и Кассиопее. – Я узнаю истинные намерения Кнута и его Адептус Астартес. Мою броню! – крикнула она, и сестры, окружавшие ее, бросились исполнять приказ Сапфиры.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/668615>